

КРИТИКА «РУССКОГО СЕВЕРЯНСТВА» В ЭМИГРАНТСКИХ РАБОТАХ ВАСИЛИЯ ШУЛЬГИНА

А.А. Кара-Мурза
Институт философии РАН

Аннотация: В статье исследуется вопрос об эволюции идейно-политических взглядов известного русского политика и литератора Василия Витальевича Шульгина (1888–1976). Будучи убеждённым «русским южанином» по своей идентичности, Шульгин активно критиковал односторонние проявления «русского северянства» (в «московский», а затем «петербургский» периоды), которые, по его мнению, в итоге привели к деградации российского правящего класса и краху традиционной русской государственности.

Ключевые слова: история России, национальная идентичность, национализм, «русское северянство», большевизм, эмиграция, Белое движение.

В последние годы появились работы, исследующие влиятельную во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. концепцию «российской идентичности» – «Россия как Север» [Кара-Мурза 2016: 59–68]. Зародившись как полу-официальная доктрина в сочинениях императрицы Екатерины II и её ближайшего сподвижника, графа Н.И. Панина, концепция «русского северянства» получила блистательные литературные воплощения в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, в героических одах Г.Р. Державина [Кара-Мурза 2017: 187–194; Кара-Мурза 2018a: 88–98], а затем в поэтическом творчестве «молодой плеяды» – кн. П.А. Вяземского [Кара-Мурза 2017: 7–13], А.И. Дельвига, А.С. Пушкина. «Русское северянство» продолжало оставаться частью официоза в годы Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов, но затем, с изменением геополитических и идеологических приоритетов, постепенно сошла с авансцены, уступив, уже в николаевскую эпоху, место классической русской парадигме «Россия между Западом и Востоком» с её противостоянием западников и славянофилов.

Между тем, отголоски «русского северянства» слышны, иногда весьма отчетливо, в классической русской литературе XIX в. (например, у И.С. Тургенева [Кара-Мурза 2018a: 124–142; Кара-Мурза 2018e: 434–443]), в культуре русского Серебряного века и пореволюционной эмиграции. Наряду со всплесками восторженной ностальгии по «славным временам», периодически накатывали и волны критики «северянства», проявления которого, якобы, поспособствовали деградации русской цивилизации и краху традиционной государственности.

Среди активных критиков «русского северянства» можно отметить Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) – крупного русского политика и литератора [Кара-Мурза 2019: 20–

30]. Оппонируя «северянству», сам Шульгин всегда считал себя «русским южанином», полагая именно родной Киев не только *историческим*, но и *стратегическим* центром «русского мира». Идеи его, как теперь окончательно выясняется, не оправдались, но критика Шульгиным слабостей «русского северянства», безусловно, продолжает сохранять свою значимость и актуальность [см.: Кара-Мурза 2009; Кара-Мурза 2012: 27–44].

Мировоззренческой основой критики Шульгиным «северянства» является оригинальная концепция становления и развития «русского народа». «Под словом "русский народ", – писал Шульгин, – я не разумею одних только северян, то есть великороссов. Эти последние имеют, конечно, полное право называться русскими, ибо они бесспорно русские, но все же они имеют это право *не столь полное, как южане*. Эти последние имеют право на "русскость" *полнейшее*, ибо слово "Русь" преимущественно связано с Киевом (везде курсив мой. – А.К.). Разумеется, я отметаю все "украинские" рассказы, как лживый вздор, который в своё время будет ликвидирован проснувшейся гордостью южнорусского населения. Оно не позволит, чтобы его обманывали, как малого ребёнка. Русским народом я считаю великороссов, малороссиян и белоруссов, а также и всех тех иных кровей, российских граждан, которые подверглись процессу ассимиляции и считают себя русскими» [Шульгин 1992: 45–46].

Итак, согласно Шульгину, в состав «русской расы» «вошло много нерусских кровей, и эта смесь ещё не совсем превратилась в сплав»: «Амальгамирование ещё идёт; и вот почему русское национальное самосознание ещё не очень твердо» [Шульгин 1992: 46].

Особую роль в этом процессе «амальгамирования», полагает Шульгин, играет институт политического лидерства. В этом смысле, в процессе трудного складывания единого русского народа имела место постоянная борьба за доминирование между «северянами» (царями московскими) и «южанами» (вождями русско-казацкими). Самого Шульгина, воспитанного отчимом, русско-казацким профессором-националистом Д.И. Пихно, всегда больше привлекали образы русских вождей-южан: «Некий устоявшийся образ русскости можно рисовать себе в москвичах эпохи Алексея Михайловича, если не принимать во внимание солидной доли финской и татарской крови, влившейся в северян. Но история говорит нам, что другое действующее лицо этой же эпохи, гетман Богдан Хмельницкий, смотрел на себя и на своих, как на *истинных носителей русского начала* (курсив мой. – А.К.). Южане напоминали Государю Московскому, что древнее гнездо воссоединяемого русского народа есть Киев и вся вообще "Малая Русь". И если на одну минуту задуматься над тем поразительным сходством, которое являют внешние образы Руси Киевской и Руси Запорожской (военного ордена, воевавшего с Стамбулом, как дружины Рюриковичей воевали с Византией; морских корсаров, так же ходивших по Серному морю, в тех же самых челнах, в каких "Русь" с X века терроризировала Царь-город), – то надо признать, что этого рода русскость, то есть древнюю русскость, Юг стойко хранил. Но *эта русскость, будем называть её южной, отличается от Московской, которую будем называть северной* (курсив мой. – А.К.)» [Шульгин 1992: 91].

В эпоху, непосредственно предшествовавшую «петровской», русскому народу предстояло совершить важнейший рывок на пути национально-государственной консолидации «русского Севера» и «русского Юга». Эту миссию мог возглавить только новый национальный вождь, но непременно вышедший из устоявшейся легитимной династии. «Поэтому недаром, – писал Шульгин в конце 1920-х гг., – Петр Великий, коему предстояло использовать великое дело своего отца (направившего "Московию" с пути местно-московского на путь общерусский), недаром Петр Великий стремился найти новое гнездо для удвоившегося в своих возможностях народа» [Шульгин 1992: 91].

«Москва для этого дела была тесна и провинциальна, – объясняет Шульгин логику вождя-реформатора. – Она не могла импонировать русскости южной; ибо эта последняя традиционно, от времён Владимира и Ярослава, протягивала щупальцы на Запад и тянула в себя завоевания культуры общечеловеческой» [Шульгин 1992: 91]. Итак, согласно Шульгину, недостатком «Московии» («русского Севера») было то, что она, в своём изоляционизме, от-

ринула многие заветы «русского европеизма», историческим центром которого когда-то был Киев [см.: Кара-Мурза 1993: 90–96].

Петр Великий, по Шульгину, верно рассчитал, что «из воссоединения двух братских племён, одинаково русских, но несколько разошедшихся в течение веков различной политической жизни, непременно должно было родиться "нечто третье", что не было бы ни древний Киев, находившийся в состоянии упадка, но хранивший варяжские традиции русского западничества; ни Москва, набравшая силы, но носившая на глазах повязку из чисто московских, "сепаратистических" от остального мира предрассудков» [Шульгин 1992: 91]. «Это третье, – продолжает Шульгин, – гениальным вожаком обоих рускостей, северной и южной, было найдено; и нарекли ему имя... Санкт-Петербург... При помощи прозревших "москвичей" и наследственно зрячих "киевлян" он стал тем котлом, где великолепно, можно сказать "блистательно", варилась каша из двух воссоединившихся племён русского народа» [Шульгин 1992: 91–92].

Некоторые историки петровского царствования справедливо полагают, что у юного Петра одно время были планы заложить новую русскую столицу именно на юге. Ещё в 1695 г., по дороге из Москвы на воронежские корабельные верфи и липецкие металлургические заводы, на высоком берегу Ягодной Рясы в районе сельца Слободское, по приказу царя, был построен деревянный «путевой дворец». А в 1702 г. (за год до основания Санкт-Петербурга) Петр, собственноручно разработав план, основал здесь крепость по голландскому образцу, которой дал название «Ораниенбург», в честь недавно скончавшегося кумира и старшего друга Петра – Вильгельма III Оранского. Местные богатые земли были розданы ближайшим сподвижникам – Меньшикову, Лефорту и др. Впоследствии, за крепостью и выросшим городком закрепилось название «Раненбург» (сейчас это г. Чаплыгин Липецкой области).

Однако казус раннего петровского правления состоял в том, что, пытаясь синтезировать две части «русского народа», в стремлении освободиться от пороков провинциального московского «северянства» и привить к нему варяжско-космополитическую энергетику русского «юга», Петр вынужден был построить новую столицу... ещё далее к Северу. Новое «окно в Европу» было воссозданием «южного проекта», но «прорублено» оно было на русском «севере». К осмыслению этого «петровского парадокса» Шульгин неоднократно возвращался впоследствии: он считал тот шаг Петра – *вынужденным* (пробиться к тёплым морям не удалось) и – в исторической перспективе – *временным*. Будущая и окончательная столица «русской расы» – четвёртая по счёту, согласно Шульгину, будет непременно основана на Юге, возможно, – на Юго-Востоке воссоединенной державы [Бабков 2010: 180].

Заслуга Санкт-Петербурга, детища Петра Великого, согласно Шульгину, бесспорна. «Южанин» Шульгин, разумеется, не преминул особо отметить в этих достижениях роли «южнорусского» компонента: «Петербург поле под вишнёвыми садовками Полтавы превратил в ристалище, где разыгрался первый, со времён Владимира Мономаха, общерусский триумф»; «Петербург скромного хохла казака Григория Розума (будущего графа Разумовского. – А.К.) сделал супругом Императрицы Всероссийской – девицы Елисавет»; «Петербург осуществил давнюю мечту Киева "ногою твёрдой стать при море" – при теплом, южном, Чёрном море, с IX века называемого "русским"»; «Петербург бросил южнорусское казачество, хранившее варяжские традиции, на новые подвиги, показав ему ручкой Императрицы Екатерины II (ручкой, которую кузнец Вакула почитал не иначе, как сахарной) подножие Кавказа, именуемое Кубань»; «Петербург выковал новый русский язык, который был не московский и не киевский; который проходил выше того и другого, но стоял на этих двух местноречиях, как голова, вместилище развившегося разума, стоит на двух ногах» [Шульгин 1992: 92].

В итоге, «Петербург из двух русских племён варил сладкий мёд, который обещал досыта накормить пищей животной и духовной огромные пространства Русской Империи. Воз-

возможности, отсюда проистекавшие, не давали жить соседям; и потому сначала шведы, потом поляки и, наконец, немцы поспешили в этот кипящий мёд подбросить ложку дёгтя, которая испортила бочку. Этим дёгтем была украинская идея» [Шульгин 1992: 92].

Однако со временем, согласно Шульгину, «петербургская Россия» (Шульгин предпочитал употреблять более «южное», на греческий манер, слово – «Петрополь») подверглась очевидной деградации, связанной с «заражением» синтетической по замыслу Империи «северянскими» атавизмами старой Московии и постепенной утратой «южной» энергетики. Имперское продвижение на «север» и «восток» сопровождалось ослаблением русского национального чувства: «Национализм почти совершенно исчезает в Сибири, пока не утыкается в Японию, которая является огромным аккумулятором национальной энергии» [Шульгин 2012: 226].

«Северянская» часть России, по мнению Шульгина, «никогда не знала внутренней национальной борьбы и потому оказалась совершенно неустойчивой в этих вопросах и очень легко поддающейся, подавляемой всяким чужим национализмом. Как это не звучит дико и странно, но в период, предшествовавший катастрофе в России, самым денационализированным элементом были сами русские (главным образом великороссы). Поэтому вопросы взаимного сожительства национальностей, их взаимоотношений, их борьбы, сознательной, а главным образом бессознательной, совершенно не входили в поле зрения нашей *северной московско-петроградской политической школы*» [Шульгин 2012: 226]. Шульгин утверждал, что «северная русская интеллигенция к концу XIX века совершенно утратила русский национализм»: «Это сказалось с поразительной ясностью в Японскую войну, когда пораженчество, желание, чтобы Япония разбила Россию, было весьма распространенным явлением в Москве и Петрограде. Вследствие этих своих качеств *северная русская интеллигенция* страшно легко подпала под еврейское влияние (курсив везде мой. – А.К.)» [Шульгин 2012: 227].

Очная встреча с потерявшим свою энергетику Петербургом была для «южанина» Шульгина, представлявшего в Государственной Думе дворянство Волынской губернии, тяжёлым потрясением. Характерны слова, вырвавшиеся у него в письме к В.А. Маклакову от 10 декабря 1924 г.: «Поверхность же наша русская с той минуты, по крайней мере, когда я, человек провинциальный и необразованный, стал наблюдать лик столь высоко ценимой на юге Северной Пальмиры, показалась мне собранием, если это выражение не оскорбит Вас, недоносков и выроdkов» [Будницкий 2012б: 211]. «И думаю я посему, дорогой Василий Алексеевич, – писал тогда Шульгин Маклакову, – что причина постыдного поведения нашего в 1917 году кроется гораздо глубже, чем в особенностях политического правления нашей родины, и таится она там, где и всегда на протяжении истории таилась: ... в *вырождении физическом и душевном классов, предназначенных для власти* (курсив мой. – А.К.), ибо власть требует наличности некой материи, некой субстанции, не особенно удобно определяемой, но весьма ясно мною ощущаемой субстанции, я бы сказал, имеющей нечто общее с ощущением силы и молодости» [Будницкий 2012б: 211; см. также: Будницкий 2012а: 7–50].

Между тем, в начале XX столетия у России, согласно Шульгину, появился шанс на «оздоровление»: «Нашёлся Столыпин» – представитель, несомненно, «южной», «энергичной» русскости. «Столыпин, – писал Шульгин, – по взглядам был либерал-постепеновец; по чувствам – националист благородной, "пушкинской", складки; по дарованиям и темпераменту – природный "верховный главнокомандующий", хотя он и не носил генеральских погон» [Будницкий 2012б: 48]. «Правда, – добавляет Шульгин, – за Столыпина стало меньшинство интеллигенции (та, по его мнению, была уже сильно заражена декадентским «северянством» – А.К.), но уже с этой поддержкой, а главное, черпая свои силы в сознании моральной своей правоты, Столыпин раздавил первую русскую революцию» [Будницкий 2012б: 48].

Столыпин давал России шанс на мирную эволюцию, и «разумные» депутаты русского парламента (к ним Шульгин относил и себя) понимали это. «Мы, провинциалы, – писал Шульгин в автобиографической книге "Дни", – твердо стали вокруг Столыпина и дали ему

возможность вбивать в крепкие мужицкие головы сознание, что земли "через волю" они не получают, что грабить землю нельзя – глупо и грешно, что земельный коммунизм непременно приведёт к голоду и нищете, что спасение России в собственном, честно полученном куске земли..., и, наконец, что "волю" народ получит только "через землю", т. е. не прежде, чем он научится её, землю, чтить, любить и добросовестно обрабатывать, ибо только тогда из вечно-го Стеньки Разина он станет гражданином» [Шульгин 2017: 54].

Столыпин, по мнению Шульгина, «заплатил жизнью за то, что он раздавил революцию, и, главным образом, за то, что он указал путь для эволюции»: «Выстрел из револьвера в Киеве – увы, нашем Киеве, всегда бывшем его лучшей опорой, – закончил столыпинскую эпоху... Печерская лавра приняла пробитое пулей Богрова тело...» [Шульгин 2017: 54–55].

Убийство русского премьера в решающее для страны время сделало место «национального вождя» не просто вакантным – оно обнажило огромную зияющую дыру в русском правящем классе. Шульгин-парламентарий вынужден был констатировать: «Будет беда. Россия безнадежно отстаёт. Рядом с нами страны высокой культуры, высокого напряжения воли. Нельзя жить в таком неравенстве. Такое соседство опасно. Надо употребить какие-то большие усилия. Необходимы размах, изобретательность, творческий талант. Нам надо изобретателя в государственном деле. *Нам надо социального Эдисона* (курсив мой. – А.К.)» [Шульгин 2017: 55; см. также: Жукова 2013: 179–188].

Первая мировая война, по мнению Шульгина, сделала очевидными слабости российской монархии, все более тяготеющей к изоляционистскому «северянству», лишённого творческой энергетики и национального «иммунитета». Решающей ошибкой было то, что Россия оказалась *одновременно* втянутой в борьбу с двумя мощнейшими «мирами»: «германской нацией», с её склонностью к военной экспансии, и «революционным еврейством», разлагавшем Россию изнутри. «Сатанинско-разлагающее» влияние Распутина на правящую элиту лишь довершило дело [Шульгин 2012: 96–107].

Огромное впечатление на страну произвела антиправительственная речь Шульгина в Государственной думе 3 ноября 1916 г.: её эффект, как представляется, был на порядок выше аналогичных выступлений «старых оппозиционеров» (например, знаменитой речи «глупость или измена?» кадетского лидера П.Н. Милюкова). На это раз против «Власти» выступил консерватор, националист и монархист, и этот факт Шульгин подчеркнул в самом начале своего думского выступления: «Я не принадлежу к тем рядам, для которых борьба с властью есть дело, если не сказать привычное, то, во всяком случае, давнишнее. Наоборот, в нашем мировоззрении та мысль, что даже дурная власть лучше безвластия, эта мысль занимает почётное место» [Шульгин 2015: 110].

Трагический парадокс ситуации, продолжил свою мысль Шульгин, состоял в том, что в глазах думающей части русского общества германский главнокомандующий стал представлять меньшую опасность, чем новоназначенный (по наущению Распутина) премьер Российской империи: «Произошло то, что люди, которые бестрепетно смотрели в глаза Гинденбургу, затрепетали перед Штюмером (*Смех слева; голоса: правильно; рукоплескания в левой части правой, в центре и слева*)» [Шульгин 2015: 110].

Шульгин выразил распространённые в обществе опасения, «что это только заглавие к той сатанинской грамоте, в которой будет изложена программа позора и гибели России» [Шульгин 2015: 113]. «И вот, чтобы этого не случилось, господа, – сделал вывод Шульгин, – Государственная дума должна стоять здесь на своём месте и бороться за безопасность России... У нас есть только одно средство: бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдёт (*Продолжительные и бурные рукоплескания центра, левой и в левой части правой; голоса: браво*)» [Шульгин 2012: 111, 113].

В этом контексте выглядит абсолютно естественным и символическим, что «монархист» Шульгин стал одним из тех посланцев Временного комитета Государственной думы, кто 3 марта 1917 г. принял отречение Государя Николая II.

После большевистского переворота В.В. Шульгин принял активное участие в Белом движении: в 1919 г. его особенно вдохновило наступление на «северянскую» Москву «южных добровольцев» генерала А.И. Деникина («царя Антона»): был момент, когда «северный дуумвират» Ленина и Троцкого отдал распоряжение эвакуировать большевистское правительство дальше на север, в Вологду. То, что войска «белых», дошедшие аж до Орла, вынуждены были потом отступать до Одессы, затем, уже при Врангеле, перебраться в Крым, а после его сдачи вообще уйти за пределы России, – стало для Василия Шульгина, потерявшего в борьбе с «красными» двух сыновей (третий, младший, отступил с русским флотом в тунисскую Бизерту) огромной личной трагедией.

Тем более серьёзный смысл имеет главный вывод Шульгина – политика и политического аналитика: «белые» проиграли потому, что по пути к российской власти «загрязнились», а «красные», наоборот, одержали верх только потому, что взяли на вооружение главные принципы своих противников: во-первых, идею профессиональной армии и, во-вторых, – идею Единой и Неделимой России...

Более того, согласно Шульгину, большевики, опиравшиеся при своём прорыве к власти на анархию, теперь не только восстанавливают «военное могущество России» и «границы Российской державы до её естественных пределов», но и «подготавливают пришествие самодержца всероссийского»: «Придёт Некто, кто возьмёт от них их "декретность"... Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям...» [Шульгин 2015: 113].

Именно так, полагал Шульгин, будет, наконец, воссоздано задуманное Петром Великим «национальное тело» России – единство «русского Севера» и «русского Юга».

Бабков Д.И. 2010. Проблемы территориальной реорганизации России в постреволюционное время в мировоззрении В.В. Шульгина. – *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика.* – Т. 16. – Вып. 19 (90).

Будницкий О.В. 2012а. В.А. Маклаков и В.В. Шульгин: друзья-противники. – *Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг.* (ред. О.В. Будницкий). – М.: РОССПЭН.

Будницкий О.В. 2012б. (ред.) *Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг.* – М.

Жукова О.А. 2013. Субкультура власти и социальный порядок в России. – *Полис. Политические исследования.* – № 2.

Кара-Мурза А.А. 1993. Что такое российское западничество? – *Полис. Политические исследования.* – № 2.

Кара-Мурза А.А. 2009. *Свобода и порядок.* – М.

Кара-Мурза А.А. 2012. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст. – *Философский журнал.* – № 2 (9).

Кара-Мурза А.А. 2016. Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г.Р. Державин. – *Философские науки.* – № 11.

Кара-Мурза А.А. 2017. Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности). – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.* – № 3.

Кара-Мурза А.А. 2018а. Рим Ивана Тургенева (1840). – *Философские науки.* – № 7.

Кара-Мурза А.А. 2018б. «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности). – *Вопросы философии.* – № 3.

Кара-Мурза А.А. 2019. «Вождистская» политическая субкультура в России в поисках исторических альтернатив (В.В. Шульгин). – *Философские науки*. – № 7.

Шульгин В.В. 1992. «Что нам в них не нравится...». *Об антисемитизме в России*. – СПб.

Шульгин В.В. 2012. По поводу одной статьи. – *Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг.* – М., РОССПЭН.

Шульгин В.В. 2015. *Россия, Украина, Европа: избранные работы* (ред. А.В. Репников). – М.

Шульгин В.В. 2017. Дни. – *Шульгин В.В. Дни. 1920 год*. – М.

Kara-Murza A. 2018a. Gavriil Derzhavin on Russian Civilization: Russia as «The North». – *Russian Studies in Philosophy*. – Vol. 56. – No. 3.

Kara-Murza A. 2018b. Spiritual Rebirth: Ivan Turgenev's 1840 Trip to Rome. – *Russian Studies in Philosophy*. – Vol. 56. – No. 5.